К вопросу о понятии экстремизма

Сериева Меди Магомедовна
студентка 2 курса направление «Юриспруденция»
ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет"

История данного понятия начинается ещё со времён античности. Термин происходит от латинских слов «extremitas», т.е. «крайность», и. соответственно «extremus» - «крайний».

В современных российских научных исследованиях нередко встречается наделение прилагательного «крайний» теми смысловыми оттенками и значениями, с которыми этимология понятия «экстремизм» имеет мало общего. Например, Д.Е. Некрасов выдвигает предположение о том, что экстремизм «подразумевает приверженность к чрезвычайным, нетрадиционным, не принятым, непримиримым, решительным, исключительным взглядам и мерам»[1,с.14], фактически опираясь лишь на вышеуказанный перевод исходного латинского термина. А.Г. Хлебушкин придерживается аналогичной позиции: «Само же слово происходит от латинского «extremus» - «крайний». Крайний, в свою очередь, - выходящий за какие-либо рамки, нормы. При этом экстремизм не простое пренебрежение к общепринятым нормам, правилам, законам, а крайняя степень пренебрежения»[2,с.18].

Как видно, способы установления этимологии понятия «экстремизм» в целях его последующего «нужного» правого толкования иногда сводятся к смысловому изменению исходного понятия «крайний», что приводит в итоге к образованию нового термина.

В действительности латинские термины «extremitas» и «extremus» употреблялись в древности для описания самой отдалённой позиции относительно какой-либо точки измерения или исходного пункта. Например, термин «extremitas mundi» означал «границу мира». Также не исключено, что латинский термин «ex-tremus» происходит от греческого корня «trema» («открытие», «просека»). В таком случае под производным термином «extremer» мог пониматься тот, кто покинул границы укрепления полиса (греч. «polis») для того, чтобы отказаться от внутренних обязанностей по отношению к принятым в нём ценностям и больше не быть к нему причастным.

«Крайность» может быть лишь относительно чего-то «умеренного» или «нормального». Всегда должен существовать некий исходный пункт, относительно которого можно определить степень крайности явления, процесса, поведения и т.п. Поэтому данный термин предполагает наличие парного понятия, без которого относительность «крайности» установить невозможно[3,с.288].

Исходя из сущности исходного понятия «крайний», мы не можем также понимать экстремизм как некую «приверженность», подчёркивая его психологическую природу, или какое-либо «пренебрежение к общепринятым нормам», акцентируя его толкование на социально-правовую сферу, поскольку имеется лишь признак неопределённого по своей сути явления, а смысловое парное понятие, определяющее его содержание, отсутствует.

Таким образом, если сводить этимологию экстремизма к сущности понятия «extremus», то под экстремизмом следует понимать термин, обозначающий предел, край, границу относительно определённых пространственных, временных и иных величин, условно принятых за «нормальные». В таком смысле экстремизм тождественен понятию «экстремум» (от лат. «extremum») — «крайнее». Причём последнее понятие является однокоренным с понятиями «extremitas», т.е. «крайность», и «extremus» - «крайний».

Вышесказанное свидетельствует о том, что исходные латинские понятия вовсе не раскрывают сущность исследуемого явления, а лишь обозначают его качество или свойство. Без установления парного понятия, наличие которого предполагает термин «экстремизм», понять содержание последнего невозможно. Это наводит на мысль о том, что истоки современного понимания экстремизма находят свои корни не в античности, а в более позднем времени в рамках конкретного исторического периода.

История нового значения понятия «экстремизм» начинается с начала XIX века, когда термин «крайний» получил распространение в высказываниях о теории государства. Термины «extremism» и «extremist» вошли в оборот позже, в середине XIX века сначала в Англии, где они широко употреблялись в политической прессе. При этом содержание указанных понятий пока не охватывало определённые политические группы. Напротив, в США эти понятия возникли во время Гражданской войны (1861-1865), когда бескомпромиссных представителей обоих враждующих сторон Юга и Севера называли «экстремистами обоих частей страны» («extremists of both parts of the country»). Во Франции употребление понятия «экстремизм» вошло в оборот во время Первой мировой войны (1914-1918), т.е. после противостояния друг другу на протяжении нескольких десятилетий крайних левых и крайних правых политических сил.[4,с.357]

В целом, распространение в различных странах понятия «экстремизм» связывалось с неравномерным приростом демократического самосознания. Термин получал широкое распространение прежде всего там, где процесс становления демократического конституционного государства находился на относительно продвинутом этапе.

В XX в. понятие «экстремизм» начало употребляться для обозначения враждебных государству политических сил вместе с дифференциацией на «левые» и «правые».

В России до конца XX в. термин «экстремизм» не получал массового распространения. В советский период такое политическое явление воспринималось лишь как неизбежный атрибут капиталистических государств.

Экстремизм в его современном понимании является термином, прямо противоположным понятию «демократическое конституционное государство».[5,с.145]

Понимая под экстремизмом враждебность к демократии, точнее к идеям демократического конституционного государства, мы имеем в виду политическое толкование термина или «политический экстремизм». Фактически, начиная с XIX в., во всех фундаментальных научных работах экстремизм толкуется исключительно в политическом смысле. Причём, несмотря на существование множества точек зрения относительно определения данного понятия, большинство из них, так или иначе, сводится к его политическому толкованию. Именно такое понимание экстремизма ложится в основу настоящей работы, поскольку никакие иные научные осмысления этого явления, на наш взгляд, не способны выступать теоретическим фундаментом его правового исследования. В противном случае, мы будем иметь место либо с явлением, не имеющим никакого отношения к области юридических и даже гуманитарных наук в целом (например, «религиозный экстремизм неполитического характера»[5,с.57]), либо нам придётся исказить его истинную природу, что приведёт к образованию псевдонаучного понятия. Последний вариант чреват тем, что изначально неверные представления об объекте исследования закономерно повлекут за собой ошибки в разработке правовых мер противодействия изучаемому явлению.

Таким образом, мы рассмотрели экстремизм с его политической стороны. Теперь посмотрим, насколько в теории уголовного права вообще возможен какой-либо иной подход к его исследованию.

Литература:

1. Некрасов Д.Е. Расово-этнический экстремизм: криминологический аспект: Дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань: Россы, 2007. – 233с.

2. Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: Дис.... канд. юрид. наук. - М.: Статус, 2009. – 230с.

3. Бидова Б.Б. Специально-криминологическое противодействие молодежному экстремизму (http://haa.su/AmT/)//Молодой ученый (http://haa.su/AmU/). 2012. № 11. - С. 287-289.

4. Бидова Б.Б. Криминологическая характеристика экстремизма, основанного на национально-религиозной специфике Северо-Кавказского федерального округа (http://haa.su/Am1/)//Молодой ученый(http://haa.su/Am2/). 2012. № 12. - С. 356-358.

5. Бидова Б.Б. Проблема противодействия политическому экстремизму на северном Кавказе: анализ и пути решения // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования (http://haa.su/Gtg/). 2014. № S. - С. 145-146.